

Наступило утро исторического дня 18 января. Сопротивление немцев не ослабевало, но было ясно, что оно будет сломлено. Уже бежали немцы от Шлиссельбурга, от Старо-

ладожского и Новолadoжского каналов, из посёлков №№ 1, 2 и 3.

Натиск наших на посёлок № 5 усилился так, что танки и автоматчики уже дрались на улицах посёлка, и роща Тюльпан к двенадцати часам была в наших руках.

В улицы посёлка одним из первых ворвался со своей ротой лейтенант Филиппов. Первым он перешёл Неву, первым вошёл в посёлок № 5, первым соединился с волховцами. Он проявил в бою изумительное упорство, когда десять часов под ряд, стоя в пятнадцати метрах от немцев, отбивал все их контратаки. Теперь его танк ходил по улицам, добывая последние очаги сопротивления.

Пришёл час победы. В четырнадцать часов ноль-ноль танкисты увидели движущуюся им навстречу пехоту. Откуда она могла появиться с этого направления? И вдруг им стало ясно, что это долгожданные волховцы. Хотелось кричать «ура» в танке, хотелось, несмотря на бой, броситься им навстречу и приветствовать дорогих братьев. Вот он, тот миг, которого так долго ждали! Среди горящих домов, разрушенных дзотов, трупов, валявшихся повсюду, танкисты, выскочив из танка, пошли навстречу бойцам, пришедшим с востока. Все на улице обнимались. Глаза блестели радостью победы.

Блокада Ленинграда была прорвана. Задача, поставленная Командованием, выполнена. Немцы отступали из посёлка разбитые, кучками, бросая снаряжение и оружие.

Но то не был конец боевой работы. Это была только пауза: уже через час надо было двигаться дальше. И танкисты простились

с волховцами, сели в машины, стали в ряды и фронтом, повернутым на юг, к Синявину, двинулись в новый бой.

Над Синявиным уже стлались облака дыма, там уже гремели орудия, и карьеры Синявинских торфоразработок открывали перед танками свои отвесные, скользкие стены и пропасти, заваленные грудями снега.